

А.В. Гуцин

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Аннотация. Почти 30 лет прошло с момента распада СССР. То, что для многих исследователей на рубеже 80–90-х годов казалось «концом истории», очевидно, явилось не концом, а началом новейшего этапа в мировой истории и развитии одного из важнейших регионов, от будущего которого во многом зависит архитектура мировых политических и социально-экономических процессов – постсоветской Евразии. Сегодня на том пространстве, которое мы зачастую еще называем постсоветским, происходят разнонаправленные тенденции. Одновременно наблюдается как дезинтеграционные векторы, так и интеграционные импульсы. И при этом активизируются внерегиональные акторы, которые предлагая свои социально-экономические и политические модели конкурируют с Россией. Перед Россией стоит очевидный вызов формирования собственной евразийской интеграционной парадигмы. В этом контексте от того, насколько успешным будет евразийский интеграционный процесс, зависит не только будущее самого региона, но и развитие России как страны.

В статье анализируются общие итоги, проблемы и перспективы развития евразийских интеграционных процессов. Автор, характеризуя проблемы евразийской интеграции и Евразийского экономического союза, делает вывод о необходимости выхода его на уровень не только торговой, но и промышленной интеграции с приоритетным вниманием к союзному импортозамещению, развитию высокотехнологичных секторов, активизации социокультурных процессов. В условиях развития в мире новой bipolarности все это способно для России и ее соседей стать реальной альтернативой – на основе развития принципов многоукладности, стимулирования промышленного потенциала, развития внутренних инвестиций, высокотехнологичных производств и внутрирегиональных цепочек добавленной стоимости.

Ключевые слова: Евразия; Евразийский экономический союз; интеграция; постсоветское пространство; промышленность.

Гуцин Александр Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры стран постсоветского зарубежья; старший научный сотрудник Института постсоветских и межрегиональных исследований Российского государственного гуманитарного университета, Россия, Москва.

E-mail: aguschin78@mail.ru

Web of Science Researcher ID: D-5733–2018

Gushchin A.V. The Problems and Prospects of Eurasian Integration

***Abstract.** Almost 30 years have passed since the collapse of the USSR. What for many researchers at the turn of the 80's–90's seemed to be the «end of history», obviously, was not the end, but the beginning of a new stage in world history, with the development of one of the most important regions the future of which in many ways defines the architecture of global political and socio-economic processes – post-Soviet Eurasia. Today, in what we often call the post-Soviet space, there are multidirectional trends. At the same time, we observe both disintegration vectors and integration impulses. Extra-regional actors are becoming more active, offering their own socio-economic and political models to compete with Russia, which faces an obvious challenge of forming its own Eurasian integration paradigm. In this context, the success of the Eurasian integration process depends not only on the future of the region itself, but also on the development of Russia as a key element of the Eurasian space.*

The article analyzes the overall results, problems and prospects of the Eurasian integration processes. The author, describing the problems of Eurasian integration and the Eurasian Economic Union, argues that integration should encompass not only trade but also industrial spheres, with priority being placed on import substitution, development of high-tech sectors, and enhancement of socio-cultural processes, all of which, under conditions of new bipolarity, could become, for Russia and its neighbours, a viable alternative of development based on the principles of industrial diversity, the growth of internal investments, high-technology production development and intraregional value chains.

Keywords: *Eurasia; the Eurasian Economic Union; integration; post-Soviet states; industry.*

**Gushchin Aleksander Vladimirovich – Candidate of Historical Sciences,
Russian State University for the Humanities, Associate Professor,
Senior Researcher of the Institute for Post-Soviet and Interregional Studies,
Russia, Moscow. E-mail: aguschin78@mail.ru
Web of Science Researcher ID: D-5733–2018**

Распад СССР и образование пространства, которое мы до сих пор зачастую называем постсоветским, сразу же поставило ряд новых вопросов относительно того, как оно будет обустроено, насколько долго дезинтеграционные тенденции будут доминировать, в какой степени возможна его реинтеграция и на каких основах она может происходить. Международные процессы и тенденции государственного развития на пространстве бывшего СССР привели к тому, что дезинтеграционные тренды в течение длительного времени, безусловно, преобладали, в то время как интеграционные инициативы зачастую отличались аморфностью, слишком долгой реализацией и противоречиями среди участников.

Это в итоге приводило к размыванию подобных инициатив, что касалось как интеграции с участием России, так и попыток построения альтернативных

моделей и проектов. Тем не менее с течением времени объективная необходимость в интеграции осознавалась все больше. Этому во многом способствовало и желание со стороны многих стран – участников интеграционных процессов воссоздать прежде разорванные экономические связи, а также невозможность «убежать от географии», желание уравновесить за счет внутрирегионального евразийского партнерства все более растущее влияние внерегиональных акторов.

На современном этапе постсоветского пространства как геополитического субъекта или общности уже не существует – это скорее термин, употребляющийся для описания, к примеру, политики России в отношении соседей или пространства, на которое оказывают влияние те или иные внешние акторы. Конечно, аргумент о том, что термин «постсоветское» и понятие «пространство» как некой общности употребляются как фигура речи и для удобства, можно парировать тем, что если такое удобство само по себе есть, значит оно вызвано какими-то объективными причинами и закономерностями. Действительно, говорить об исчезновении постсоветских черт из политики постсоветских государств было бы слишком самонадеянно. Эти черты проявляются, как справедливо отмечает Сергей Маркедонов [Маркедонов 2018], в сфере, например, национальных конфликтов и постконфликтного урегулирования и даже в политике стран Балтии, в которых счесть с прошлым, попытки обоснования субъектности через определенные нарративы о прошлом по-прежнему доминируют. Скрепляющим фактором является и фактор русского языка, который до сих пор остается своеобразным «клеем», обеспечивающим общественные и личные связи, но постепенно все же заметно утрачивающим свое влияние. В условиях же деградации советского наследия и упадка постсоветских смыслов и архетипов постсоветская Евразия уже сейчас превращается в конкурентное пространство, в рамках которого внерегиональные акторы играют все большую роль, представляя серьезный вызов для России.

Кроме того, оказалось, что 30 лет – достаточный срок для того, чтобы национальные элиты далеко не просто, а порой и в очень сложных обстоятельствах выстраивали суверенитет в институциональном и социокультурном плане, почувствовали его самоценность. Именно поэтому вопросы соотношения суверенитета и интеграции в постсоветской Евразии сегодня являются столь актуальными. Каждый участник интеграционного процесса, вне зависимости от того, на какой стадии интеграции он находится, артикулирует через какие линии он готов заходить, делегируя полномочия, а через какие нет, и линии эти лежат пока довольно далеко от возможной полноценной реинтеграции всего пространства, по инерции, напомним, называемого постсоветским.

Сегментарная интеграция, затрагивающая относительно небольшое число стран, оказалась заметно более жизнеспособной, чем такие организации, как СНГ, создававшиеся, как это во многом справедливо принято определять, для цивилизованного развода, хотя и сыгравшие свою немалую роль в амортизации распада СССР на межотраслевом уровне, в сохранении торговых связей посредством Зоны свободной торговли и даже в миротворческих процессах. Тем не менее сегодня эта организация и ее зона свободной торговли, по мнению целого ряда экспертов, противоречит в известной мере более эффективным интеграционным форматам [Международная неопределенность 2020].

При этом понятно, что новая интеграция не может строиться только глубоко на основаниях общего прошлого и общего социокультурного наследия. Безусловно, эти факторы имеют большое значение для определения во многом благоприятных возможностей для коммуникации и современных интеграционных дискурсов, однако их ослабляющего влияния уже явно недостаточно. В связи с этим основанный в 2015 г. на базе Таможенного союза на принципах прагматического, экономикоцентричного современного евразийства, институционально во многом повторяющий структурные компоненты ЕС [Кондратьева 2011]. Евразийский экономический союз является при всех проблемах его развития наиболее успешной интеграционной группировкой постсоветской Евразии.

Сегодня по прошествии пяти лет с момента создания ЕАЭС в научной литературе, в рамках экспертных оценок, звучат порой диаметрально противоположные мнения относительно того, в какой мере современная евразийская интеграция жизнеспособна вообще, на что она в итоге направлена, каковы ее цели, каковы перспективы развития, наконец, с каким знаком оценить прошедшее – с момента создания и развития ЕАЭС – время для процессов евразийской интеграции. Корпус научной литературы о современных процессах евразийской интеграции очень велик, не говоря уже о большом количестве экспертных материалов. Однако если говорить о концептуальном восприятии интеграции, то можно в целом согласиться с рамочной и не претендующей на исчерпывающий характер классификацией, предложенной белорусским исследователем П. Петровским, который выделяет три магистральных линии в современном анализе проблем и перспектив современной евразийской интеграции [Петровский 2020].

Первое направление условно можно определить как либеральное. В его рамках работают такие известные специалисты, как Е. Винокуров и А. Либман [Винокуров, Либман 2012], которые предложили интерпретацию евразийской интеграции на основании анализа четырех волн евразийского обмена. При этом обмен не сводится лишь к товарным или финансовым отношениям и оценивается как комплексное явление с выраженным социокультурным элементом. Авторы видят задачу в интенсификации евразийского обмена, а также

институционализации интеграционных процессов в Евразии [Винокуров, Либман, 2013]. Е. Винокуров рассматривает интеграционные процессы с точки зрения превалирования не государственной инициативы и государственного регулирования, а предпринимательской, рыночной составляющей. Географические же факторы, роль государственного влияния в инвестициях, проблематика частно-государственного партнерства, согласованной промышленной политики учитываются в меньшей степени. Одной из главных целей евразийской интеграции при этом определяется встраивание в глобальные товарные цепочки; акцент делается на роль внешних рынков, а не на автономию евразийского регионального союза [Евразийский экономический союз 2017]. К этому направлению в целом можно отнести и ряд других известных исследователей [Россия в современных интеграционных процессах 2014].

Антиподом либеральной концепции можно считать интерпретацию евразийской интеграции, предложенную такими известными авторами, как И.А. Максимцева, Д.Ю. Миропольский, Л.С. Тарасевич [Евразийская политическая экономия 2016]. С ними же, но лишь по некоторым аспектам, в целом солидарны министр Евразийской экономической комиссии академик С. Глазьев, некоторые белорусские авторы, в частности упомянутый выше белорусский историк и философ Петр Петровский и ряд других. В рамках этой парадигмы, которую можно условно определить как неомарксистскую и государственническую, постулирующей тезис о том, что континентальным странам и их регионам целесообразнее выстраивать отношения не столько с мировым рынком, сколько организовывать автономное и дополняющее друг друга целостное континентальное хозяйство. При этом большая роль отводится стратегическому планированию, роли государства в импортозамещении, кредитовании промышленности. При рассмотрении возможных путей экономического развития страны авторы заключают, что «чем инновационнее вариант модернизации, тем при прочих равных условиях меньше рынка и больше плана». В качестве коллективного частного собственника выступает бюрократия, которая присваивает и распределяет весь произведенный продукт. Авторы отмечают периферийный характер современной экономики постсоветской Евразии, говорят о важности перераспределения государством средств в пользу инновационных высокотехнологичных секторов экономики – «пионерных» секторов, производящих продукцию с высокой добавленной стоимостью. В противном случае, по мнению исследователей, евразийское пространство сохранится сугубо как регион сырьевой периферии и будет по-прежнему в определяющей степени зависеть от конъюнктуры мировых цен на энергоносители [Евразийская политическая экономия 2016].

Напротив, Я. Лисоволик и В. Сутырин делают ставку во многом именно на географию, как на стержневой элемент евразийской интеграции, посвятив этому фактору специальное исследование [География стран Евразийского

экономического союза 2017]. Авторы отмечают ряд преимуществ в, на первый взгляд, негативных географических константах, таких как низкая плотность населения или удаленность от портовой инфраструктуры и морей. В частности, указывается на большую стабильность и долгосрочность континентальных связей. Авторы предлагают устанавливать выгодные тарифы для внутриевразийского потребления, что потенциально будет компенсировать фактор транспортных издержек и сложных климатических условий. Определенное перемещение капитала из сырьевого сектора в социальный и инновационный формирует евразийскую модель экономического роста, которая, по мнению исследователей, должна основываться на синтезе западной и восточной экономической модели, учитывающей специфику больших расстояний и преобладание железнодорожного транспорта.

Однако было бы неверно сводить весь большой комплекс работ, посвященных евразийской интеграции к указанным выше направлениям [Пивовар, Гущин, Левченков 2013]. В изучение отдельных важных экономических аспектов евразийской проблематики, ее идеолого-философских проблем, роли в международных отношениях внесли такие известные авторы из стран – членов ЕАЭС, как С.А. Афонцев, Е. Кузьмина, Л. Вардомский, Т. Бордачев, С. Рекеда, А.Н. Быков, Н.Б. Кондратьева, В. Пилипенко, П. Своик, Б. Эргашев, Ю. Кофнер, а также ряд западных авторов, среди которых, к примеру, выделяется переведенная на русский язык работа П. Франкопана [Frankopan 2015]. Автор, уделяя приоритетное внимание Китаю и его модели логистического конструирования Евразии в рамках Шёлкового пути, противопоставляет кооперационный подход Китая современному изоляционизму США. Он также указывает на большой потенциал Евразии с точки зрения интеграции, в то время как в Европе напротив доминируют дезинтеграционные тенденции. Особое место принадлежит исследователям, занимающимся проблематикой новой евразийской идентичности, где выделяются подходы А. Дзерманта и Р. Вахитова [Дзермант 2020]. Первый исследователь сосредоточивает внимание на проблематике построения новой евразийской идентичности на основе формирования наднациональной евразийской бюрократии, что определяет уже гуманитарную задачу – возвращение и культивирование общей евразийской идентичности, дополняющей и расширяющей национальную. Эта задача достижима только средствами «мягкой силы», общественной дипломатии и культурной политики при поддержке проевразийских элит и наднациональной бюрократии. Р. Вахитов работает в парадигме «левого евразийства», которое во многом коррелирует в идеологическом и философском плане экономические концепции Максимцева и Миропольского. Существует и критическая линия, в рамках которой, в частности, выделяются работы исследователей либерального направления, таких как А. Малашенко и В. Иноземцев [Малашенко 2018], которые критикуют евразийскую интеграцию как таковую,

показывая пределы ее потенциального развития, непригодность политических систем стран-участников для полноценной интеграции, а также говорят об отсутствии потенциала к построению евразийской идентичности на современном этапе. Помимо этого, можно констатировать, соглашаясь с российскими исследователями И. Болговой и Ю. Никитиной [Болгова, Никитина, 2019], наличие тенденции, когда большинство российских авторов зачастую применяют редуционистский подход, сфокусированный на экономической сфере. Во многом является ответом на упреки в адрес евразийской интеграции как проекта, продвигаемого в первую очередь в российских геополитических интересах.

Сегодня именно практическое евразийство является – и вполне справедливо – доминирующей тенденцией в восприятии и оценках евразийских интеграционных процессов. Но необходимо понимать, какой тип экономики и социальных отношений строится в рамках евразийской интеграции и строится ли он вообще, как будут состыковываться различные экономические системы внутри ЕАЭС при их существенном различии, которое мы наблюдаем, скажем, сегодня на примере разницы экономических систем России и Беларуси, какое место ЕАЭС будет занимать как субъект международных отношений.

Было бы наивным ждать через 30 лет после распада СССР развития быстрой реинтеграции, да и создать интеграцию поистине эффективную посредством лишь механизмов Таможенного союза вряд ли возможно, если она не преследует далекоидущей цели выхода из периферийности глобальных процессов и нового регионального конструирования, становления в качестве одного из центров НТР. Хотя, несмотря на все сложности в рамках ЕАЭС, удалось достичь довольно большого прогресса в деле становления четырех декларируемых общих пространств, в первую очередь рынка труда. Сегодня перед евразийской интеграцией и ЕАЭС стоит целый ряд серьезных до сих пор нерешенных вопросов.

Несмотря на некоторый прогресс, четыре пространства, которые являются стратегической целью, не просто до сих пор не построены, но в полном смысле слова не построено ни одно из них. Самые крупные страны Союза завязаны на экспорт минерального сырья, за последние годы есть лишь косметические и ситуативные изменения с точки зрения структуры экономики стран ЕАЭС. Прежде всего это касается Казахстана и России, в то время как Беларусь имеет все более диверсифицированный экспорт. Большой урон процессу евразийской экономической и социальной интеграции в этом контексте был нанесен выпадением из него Украины с ее большим на момент 2012–2013 гг. промышленным потенциалом.

Прирост ВВП стран ЕАЭС сегодня очень невысок: около 1% по итогам 2019 г. Лидеры при этом Армения и Кыргызстан, в то время как локомотивы

интеграции отстают и от них [Евразийский экономический союз 2020]. Численность населения также сокращается, только в Казахстане и Кыргызстане идет рост и превышение показателей по сравнению с показателями накануне распада СССР. Проблемой ЕАЭС сегодня также является крен экономики участников Союза в сторону внешних рынков, прежде всего Китая и ЕС, а также очевидная нехватка капиталовложений, которая диктует все большую важность развития и функционирования фондов стратегического развития интеграции. В условиях, когда ресурсы Евразийского банка довольно ограничены, остро ощущается нехватка инвестиций.

При девальвации определенный эффект замещения был за счет российского рынка. Но внутриотраслевая торговля не достигает высоких показателей, что обуславливает доминирование инерционного сценария развития евразийской интеграции. В 2015–2018 гг. торговля внутри ЕАЭС увеличилась на 23,6%, что, однако, все еще на 5,4% ниже, чем было в 2014 г. [Ушкалова 2020].

В течение этого периода ЕАЭС не смог увеличить внутрисоюзную взаимную торговлю по сравнению с внешней торговлей с третьими странами. В период с 2014 по 2018 г. соотношение в среднем оставалось на уровне 13,5% к 86,5% [Кофнер 2019]. В 2015–2019 гг. торговля товарами внутри ЕАЭС увеличилась. Более того, в 2018 г. ЕАЭС принял современный таможенный кодекс. Однако эти относительные успехи были нивелированы сохраняющимися изъятиями и продолжающимися торговыми спорами между государствами-членами, нетарифными ограничениями, а также односторонними контрсанкциями [Доклад о состоянии взаимной торговли 2018]. На начало 2017 г. насчитывалось 60 согласованных всеми государствами-членами препятствий, а на начало 2019 г. число таких препятствий достигло 71. Для таких стран, как Беларусь, наличествует отрицательное сальдо в торговле со странами ЕАЭ, что приводит к увеличению внешнего долга.

Объем взаимной торговли товарами между государствами-членами за январь–декабрь 2019 г., исчисленный как сумма стоимостных объемов экспортных операций государств – членов ЕАЭС во взаимной торговле, составил 61 млрд долл. США, или только 101,3% к уровню января–декабря 2018 г. К сожалению, прежде всего именно динамика мировых цен влияет на рост внутренней торговли, а вовсе не эффект ЕАЭС. По экспорту и импорту товаров для России лидирует ЕС, а ЕАЭС занимает не более 5–6%. Таким образом, одной из ключевых проблем Союза является низкая социально-экономическая связанность его членов при наблюдаемом ощущимом преобладании в торговле стран ЕАЭС внерегиональных акторов, таких как ЕС и КНР. К институциональным ограничениям можно отнести структуру управления Союза, в нем слишком много органов, которые могут отменять решения нижестоящих органов.

В глобальном плане проблемы ЕАЭС заключаются в различном видении его членами будущего самого Союза, что, в частности, отчетливо проявилось в позиции относительно перспектив и алгоритмов создания единого рынка нефти и газа, что вылилось в серьезную дискуссию в ходе недавнего заседания Высшего совета ЕАЭС. Свою роль сыграло и общее охлаждение российско-белорусских отношений.

Совокупная доля ЕАЭС в мировом ВВП сегодня очень мала и составляет примерно 2,5%. С одной стороны, это указывает на то, о чем говорят исследователи либерального направления, – на то, что альтернативным полюсом с такими показателями в условиях формирования в мире новой биполярной экономической и военно-политической структуры не стать. Прежде всего это вовсе не означает, что цель создания ЕАЭС заключается в том, чтобы повышать конкурентоспособность на внешних рынках, тем более в условиях несовпадения интересов ЕС и ЕАЭС. Кроме того, понятно, что никаких особо конкурентных преимуществ при гипотетическом и маловероятном равноправном партнерстве и соглашении с ЕС не будет, необходимо в новых условиях мировой конъюнктуры наращивать товарооборот, насыщать свой рынок, создавать и развивать промышленную кооперацию внутри Союза. Безусловно, сегодня надо признать, что постсоветская Евразия находится на периферии трансформационных глобальных тенденций. Превжний особый характер социально-экономической модели региона практически размывается. Усиливается разрыв между конкурирующими центрами экономического и политического влияния.

Сегодня, сколько бы ни говорили о «нормальности» интеграции, сравнивая к примеру ЕАЭС с другими интеграционными объединениями, например по такому показателю, как уровень единого таможенного тарифа, который не так высок как в ЕС, но и не так низок по отношению к другим интеграционным объединениям, ясно, что при всех тактических плюсах способность обеспечить в современной международной обстановке успех зависит от того, в какой мере государства, проектирующие новую союзность, следуют алгоритмам трансформации своего Союза в объединение на базе нового технологического уклада, новой экономики и стоимости. Конечно, некоторые элементы качественного развития интеграции могут быть обеспечены и без углубления интеграции. Но стратегически в условиях предпосылок новой биполярности и все большего превращения евразийского пространства в пространство конкуренции мало. Пока же приходится констатировать, что в ЕАЭС пока нет парадигмы будущего на основе общей промышленной политики, отсутствует долгий горизонт планирования, что является серьезной проблемой элит стран – членов Союза.

Если говорить о внешнем контуре евразийской интеграции, то полноценное расширение Союза сегодня не самоцель, тем более что при наличии

существующих противоречий вхождение в него нового актора породило бы еще больше спорных вопросов. Свидетельством этого является довольно сложный процесс обсуждения возможного вхождения в ЕАЭС Узбекистана. С точки зрения возможного расширения внутреннего рынка Союза, однако, статус наблюдателя в ЕАЭС сегодня для Узбекистана скорее всего пока является пределом интеграционных возможностей. Дальнейшая интеграция в Союз будет обуславливаться довольно трудным процессом согласования условий вхождения, тем более что уже сегодня есть довольно серьезные опасения относительно конкуренции, к примеру, сельскохозяйственной продукции Кыргызстана и Узбекистана или тех условий, которые будут созданы узбекскому автомобилестроению в случае его выхода на российский рынок. Тем не менее евразийские рынки для Узбекистана, безусловно, важны, так как есть риск попадания в зависимость от торговли с КНР. Ведь эта торговля не обеспечивает рынка сбыта для узбекских товаров: примерно половина от всего экспорта Узбекистана в Китай – это энергоносители, в то время как евразийские рынки более востребованы в ходе диверсификации промышленности Узбекистана и усиления экспортной составляющей экономики страны. Большое значение имеет и миграционная составляющая, однако стратегически ее роль будет сокращаться в виду постепенного сокращения рождаемости в стране, что в перспективе может создать угрозу вымывания трудовых ресурсов. Это – позитивный момент для евразийской интеграции, так же как и достигнутые ранее договоренности с Вьетнамом и Сингапуром. С имиджевой точки зрения, с точки зрения субъектности было бы большим плюсом вхождение в Союз страны не из постсоветского пространства, однако на данный момент – это дело довольно отдаленного будущего.

Однако торговли, как и взаимодействия с внерегиональными акторами, недостаточно для полноценной интеграции. Торговый, особенно торговосырьевой, сценарий приводит к глубокой деформации социальных и хозяйственных связей на евразийском пространстве. Нужны связующие звенья, которые позволили бы вывести взаимодополняющую специализацию, организовать разделение труда стран, исходя из их конкурентных преимуществ, и связать их в единый интеграционный хозяйственный механизм [Точки роста 2018]. В связи с этим именно промышленная кооперация должна способствовать модернизации стран Союза, которые пока находятся на периферии мирового развития. Еще одним важным элементом должно быть уравнивание условий хозяйствования всех цепочек Союза и реализация политики создания и укрепления внутрирегиональных цепочек добавленной стоимости. Это особенно актуально в условиях, когда устаревают и утрачивают свое значение прежние технологические несырьевые цепочки.

Особенное значение приобретает создание сельскохозяйственного рынка, ведь доля сельского хозяйства во всех странах Союза довольно велика. Кроме

того, это является перспективным направлением не только для насыщения внутреннего рынка, но и для экспорта, принимая во внимание продовольственные проблемы в современном мире. Важным вопросом является развитие специализации стран ЕАЭС, прежде всего в области обработки и промышленности и развития цифровизации.

Много зависит в этом контексте от России как локомотива и лидера евразийской интеграции. Пока же зачастую приходится констатировать, что «именно неудовлетворительное состояние российской экономики активно стимулирует центробежные тенденции в интеграционном объединении и, как результат, риски использования протекционистских инструментов, в том числе изъятий, ограничений и барьеров между государствами-членами» [Евразийская интеграция 2017]. Во многом сегодня можно согласиться с оценкой некоторых исследователей о том, что Россия до сих пор в значительной степени ослабляет свое влияние на постсоветском пространстве, но приобретает его в иных регионах мира [Международная неопределенность 2020]. От преодоления этого подхода во многом зависит будущее как самой России в качестве регионального центра влияния, так и будущее региональной интеграции. В обозримой перспективе ключевой проблемой для интересов России и ее влияния в Евразии становится и институциональный вызов, способность создавать и поддерживать различные формы координации секторальных и национальных интересов, не допуская доминирования внерегиональных акторов. При этом участники Союза должны научиться не переносить проблемы двусторонних отношений на уровень всего Союза, что является пока одной из серьезных проблем в деле развития интеграции. Пока этого не достигнуто, и участники Союза далеки от создания равноправных, единых условий, от достижения высокой планки научно-технической, промышленной и производственной кооперации с последующим разделением труда и специализацией стран.

Для реализации задач евразийской интеграции на современном этапе необходимо формирование нового союзного мышления. Россия в состоянии обеспечить развитие евразийской интеграции и укрепление своей позиции регионального лидера посредством создания стимулов для своих союзников как в области безопасности, сохраняя свое значение как ее гаранта, так и в области экономики. Для этого важно трансформировать свою экономическую систему и экономическую политику в сторону суверенизации и построения смешанной экономики на основе принципов многоукладности, расширения государственного кредитования промышленности, развития потенциала внутренних инвестиций, стимулирования развития высокотехнологичных производств и внутрирегиональных цепочек добавленной стоимости, союзного импортозамещения и согласованного выхода на рынки третьих стран. При этом важно приоритетное внимание к таким сферам, как цифрови-

зация и развитие возобновляемых источников энергии, которые давно следует перестать воспринимать сугубо как вызов для ТЭК, а начать воспринимать как широкое поле потенциальных возможностей [Катона 2020].

Все это может способствовать созданию варианта интегрального, синтетического социально-экономического строя с усилением элементов национального и союзного стратегического планирования, который позволит не только обеспечить укрепление региональной интеграции и интенсификацию социокультурного взаимодействия, но и даст возможность не опоздать к моменту перехода на новый технологический уклад и не оказаться в качестве сырьевой периферии в процессе нового витка НТР и структурной технологической перестройки, происходящей в современном мире. В противном случае как процесс, так и структуры евразийской интеграции будут размываться при одновременном усилении взаимодействия партнеров России по ЕАЭС с вне-союзными акторами.

Библиография

- Болгова И., Никитина Ю. Евразийский экономический союз между интеграцией и суверенитетом // Современная Европа. 2019. № 5. С. 13–22.
- Винокуров Е.Ю., Либман А.М. Две евразийские интеграции // Вопросы экономики. 2013. № 2. С. 47–72.
- Винокуров Е.Ю., Либман А.М. Евразийская континентальная интеграция. СПб.: Центр интеграционных исследований, 2012. 210 с.
- География стран Евразийского экономического союза. Валдай – дискуссионный клуб 2017: [презентация доклада Я. Лисоволика и В. Султырина: видеотрансляция]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=tbvtVKpeF-Q> (дата обращения: 28.05.2020).
- Дзермант А. Технологии евразийской интеграции. Северная Евразия. 2020. URL: <http://eurasia-sever.by/tehnologii-evrazijskoj-integraczi/> (дата обращения: 15.06.2020).
- Доклад о состоянии взаимной торговли между странами – членами Евразийского экономического союза в 2018 г. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/analytics/Documents/report/Report_2018.pdf (дата обращения: 20.05.2020).
- Евразийская политическая экономика: учебник. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского гос. экономического ун-та, 2016. 767 с.
- Евразийский экономический союз / под общ. ред. Е.Ю. Винокурова. СПб.: Центр интеграционных исследований, 2017. 287 с.
- Евразийский экономический союз: Проблемы и перспективы развития. АНЦЭА: диспут-клуб. 2020. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Lab08XJQ9ho> (дата обращения: 20.06.2020).
- Катона В. Энергопотребление на постсоветском пространстве. 2020. URL: <https://russian-council.ru/analytics-and-comments/analytics/energopotreblenie-na-postsovetskom-prostranstve/> (дата обращения: 18.06.2020).
- Кондратьева Н.Б. Таможенный союз ЕврАзЭС движется по стопам ЕС // Актуальные проблемы Европы. 2011. № 2. С. 164–187.
- Кофнер Ю. 5 лет ЕАЭС. Удалось ли создать единый товарный рынок? 2019. URL: https://russiancouncil.ru/blogs/GreaterEurasia/34944/?sphrase_id=40273138 (дата обращения: 20.05.2020).

Малашенко А. Евразийская идентичность: реальность и фантазии // Независимая газета. 2018. 5 июля. № 134 (7259). С. 5.

Маркедонов С.М. Россия и Запад на постсоветском пространстве: что будет? [видеолекция]. 2018. URL: https://www.gazeta.ru/politics/video/2018/02/16/11652691/rossiya_i_zapad_na_post-sovetskom_prostranstve_chno_budet.shtml (дата обращения: 01.06.2020).

Международная неопределенность 2020. Новая Евразия на пути к консолидации: конференция: [видеозапись] / МГИМО-Университет. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=bJcVpk2gLhA> (дата обращения: 03.06.2020).

Петровский П. Мировоззренческие и философские основания современной евразийской интеграции. 2020. URL: <http://eurasia-sever.by/mirovozzrencheskie-i-filosofskie-osnovaniya-sovremennoj-evrazijskoj-integraczii/> (дата обращения: 02.06.2020).

Пивовар Е.И., Гушин А.В., Левченков А.С. Интеграция на постсоветском пространстве: Новый век – новые горизонты изучения // Новый исторический вестник. 2013. № 36 (2). С. 43–55.

Россия в современных интеграционных процессах: кол. моногр. / под ред. С.А. Афонцева, М.М. Лебедевой. М.: МГИМО-Университет, 2014. 312 с.

Точки роста ЕАЭС: экономика, безопасность, общество: доклад / Евстафьев Д.Г., Кусаинов А.М., Масаулов С.И. и др. М.: [б. и.], 2018. 48 с.

Ушкалова Д. 5 лет ЕАЭС: итоги взаимной торговли // Российский внешнеэкономический вестник. 2020. № 1. С. 73–92.

Frankopan P. The New Silk Roads: The Present and Future of the World. London: Bloomsbury, 2015, 656 p.

References

Bolgova I., Nikitina Yu. Evrazijskij ekonomicheskij soyuz mezhdru integraciej i suverenitetom [Eurasian economic Union between integration and sovereignty]. Modern Europe. 2019. No 5. P. 13–22. (In Russ.)

Doklad o sostoyanii vzaimnoj trgovli mezhdru stranami-chlenami Evrazijskogo ekonomicheskogo soyuza v 2018 g. [Report on the state of mutual trade between the member States of the Eurasian economic Union in 2018]. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/analytics/Documents/report/Report_2018.pdf (date of access: 20.05.2020). (In Russ.)

Dzermant A. Tekhnologii evrazijskoj integracii. Severnaya Evraziya. [Technologies of the Eurasian integration. Northern Eurasia]. 2020. URL: <http://eurasia-sever.by/tehnologii-evrazijskoj-integraczii/> (date of access: 15.06.2020). (In Russ.)

Evrazijskaya politicheskaya ekonomiya [Eurasian political economy]: textbook. Saint Petersburg: St. Petersburg State University of Economics Publishing House, 2016. 747 p. (In Russ.)

Evrazijskij ekonomicheskij soyuz [Eurasian economic Union]. Ed. E.Yu. Vinokurov. Saint Petersburg: Center for Integration Studies, 2017. 287 p. (In Russ.)

Evrazijskij ekonomicheskij soyuz: Problemy i perspektivy razvitiya. Disput-klub ANCEA [The Eurasian economic Union: Problems and prospects of development: The debate club ARETT]. 2020. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Lab08XJQ9ho> (date of access: 20.06.2020). (In Russ.)

Frankopan P. The New Silk Roads: The Present and Future of the World. London: Bloomsbury, 2015. 656 p.

Geografiya stran Evrazijskogo ekonomicheskogo soyuza. Valdaj – diskussionnyj klub [Geography of the countries of the Eurasian economic Union. Valdai – discussion club] 2017: [presentation of the

report by Y. Lisovolik and V. Sul'tyrin: video broadcast]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=tbvtVKpeF-Q> (date of access: 28.05.2020). (In Russ.)

Katona V. Energopotreblenie na postsovet'skom prostranstve [Energy consumption in the former Soviet Union]. 2020. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/ukraina-na-poroge-burnoy-politicheskoy-oseni/> (date of access: 18.06.2020). (In Russ.)

Kofner Yu. 5 let EAES. Udalos' li sozdat' edinyj tovarnyj rynek? [5 years of the EAEU. Was it possible to create a single product market?]. 2019. URL: https://russiancouncil.ru/blogs/Greater-Eurasia/34944/?sphrase_id=40273138 (date of access: 20.05.2020). (In Russ.)

Kondrat'eva N.B. Tamozhennyj soyuz EvrAzES dvizhetsya po stopam ES. [The EurAsEC Customs Union is moving in the footsteps of the EU]. Current problems of Europe. 2011. No 2. P. 164–187. (In Russ.)

Malashenko A. Evrazijskaya identichnost': real'nost' i fantazii [Eurasian identity: reality and fantasy]. Nezavisimaya gazeta. 2018. 5 July. No 134 (7259). P. 5. (In Russ.)

Markedonov S. Rossiya i Zapad na postsovet'skom prostranstve: chto budet? [Russia and the West in the post-Soviet space: what will happen?]. 2018: [video lecture]. URL: https://www.gazeta.ru/politics/video/2018/02/16/11652691/rossiya_i_zapad_na_postsovet'skom_prostranstve_chto_budet.shtml (date of access: 01.06.2020). (In Russ.)

Mezhdunarodnaya neopredelennost' 2020. Novaya Evraziya na puti k konsolidacii [International Uncertainty 2020. A New Eurasia Towards Consolidation: Conference]: [video recording]. MGIMO University. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=bJcVpk2gLhA> (date of access: 03.06.2020). (In Russ.)

Petrovskij P. Mirovozzrencheskie i filosofskie osnovaniya sovremennoj evrazijskoj integracii [Ideological and philosophical foundations of modern Eurasian integration]. 2020. URL: <http://eurasia-sever.by/mirovozzrencheskie-i-filosofskie-osnovaniya-sovremennoj-evrazijskoj-integracii/> (date of access: 02.06.2020). (In Russ.)

Pivovarov E.I., Gushchin A.V., Levchenkov A.S. Integraciya na postsovet'skom prostranstve: Novyj vek – novye gorizonty izucheniya [Integration in the post-Soviet space: New age-new horizons of study]. New Historical Bulletin. 2013. N 36 (2). P. 43–55. (In Russ.)

Rossiya v sovremennyh integracionnyh processah [Russia in modern integration processes: a collective monograph]: collective monograph. Ed. S.A. Afontsev, M.M. Lebedeva. Moscow: MGIMO-Universitet, 312 p. (In Russ.)

Tochki rosta EAES: ekonomika, bezopasnost', obshchestvo [EAEU Growth Points: Economy, Security, Society]: Report. Evstafiev D.G., Kusainov A.M., Masaulov S.I. et al. Moscow: [s. n.], 2018. 48 p. (In Russ.)

Ushkalova D. 5 let EAES: itogi vzaimnoj trgovli [5 years of the EAEU: the results of mutual trade]. Russian Foreign Economic Bulletin. 2020. No 1. P. 73–92.

Vinokurov E.Yu., Libman A.M. Evrazijskaya kontinental'naya integraciya. [Eurasian continental integration]. Saint Petersburg: Center for Integration Studies, 2012. 210 p. (In Russ.)

Vinokurov E.Yu., Libman A.M. Dve evrazijskie integracii [Two Eurasian integrations]. Economic issues. 2013. No 2. P. 47–72. (In Russ.)